
К. В. ФОМИН

**ПРОБЛЕМА СВЯЗИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ЦИКЛОВ: ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ
В. БЕНЬЯМИНА***

Статья посвящена проблеме связи революционных циклов. В качестве предмета анализа выступают теория революции В. Беньямина и теория революционных циклов М. Хардта, А. Негри. Целью, которую ставит перед собой автор, является исследование способа совмещения революционной перспективы с представлением о традиции. Разделяя основные положения проблематизирующего модернистскую рамку мышления неортодоксального марксизма, автор рассмотрит теорию революции В. Беньямина как один из вариантов решения проблемы революционного наследования.

В статье анализируется расхожая трактовка современной революции в рамках истории понятий. Данная трактовка препятствует осмыслению аспекта революционного наследования и заставляет обратиться к теории В. Беньямина. Реконструкция теории осуществляется в два шага: осмысление действий революционеров за пределами правового насилия (правоустанавливающее/правоподдерживающее и мифическое) с помощью категории «божественного насилия», ставящее проблему внутренних ограничений проявления насилия; мотив спасения прошлого как средство решения проблемы первого этапа. Совмещение подходов В. Беньямина и М. Хардта, А. Негри представляется автору возможным по следующим причинам: 1) рассматриваемые философы разделяют общие онтологические предпосылки; 2) риторическое смещение от «революции» к «революционным циклам» оправдано, так как каждый международный цикл борьбы отвечает на одни и те же вызовы капитализма-фундаментализма и возвращается к одним и тем же упущенным возможностям. В конце статьи предлагаются теоретические и практические следствия

** Для цитирования:* Фомин К. В. Проблема связи революционных циклов: теория революции В. Беньямина // Философия и общество. 2025. № 1. С. 73–87. DOI: 10.30884/jfio/2025.01.04.

For citation: Fomin K. V. The Problem of the Connection of Revolutionary Cycles: The Theory of Revolution by Walter Benjamin // Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society. 2025. No. 1. Pp. 73–87. DOI: 10.30884/jfio/2025.01.04 (in Russian).

Философия и общество, № 1 2025 73–87

DOI: 10.30884/jfio/2025.01.04

применения теории революции В. Бенямина к проблеме связи актуального и прошлых революционных циклов.

Ключевые слова: революционный цикл, правоустанавливающее насилие, правоподдерживающее насилие, мифическое насилие, божественное насилие, актуальное настоящее, мессианская сила, поминовение.

The article is devoted to the problem of the connection between the current and past revolutionary cycles. The subject of the analysis is W. Benjamin's theory of revolution and the theory of revolutionary cycles proposed by M. Hardt, A. Negri. The author's purpose is to explore the way to combine a revolutionary perspective with the idea of tradition. Sharing the main points of heterodox Marxism, which problematizes the modernist frame of thinking, the author analyzes W. Benjamin's theory of revolution as one of the solutions to the problem of revolutionary inheritance.

The article analyzes the common interpretation of the modern revolution within the framework of the history of concepts. This interpretation hinders the understanding of the aspect of revolutionary inheritance and forces us to turn to W. Benjamin's theory of revolution. The reconstruction of the theory is carried out in two steps: the understanding of the actions of revolutionaries beyond the limits of legal violence (lawmaking /law-preserving and mythic) using the category of "divine violence", posing the problem of internal limitations of the manifestation of violence; the motive of saving the past as a means of solving the problem of the first stage. The author finds it possible to combine the approaches of W. Benjamin, M. Hardt, and A. Negri for the following reasons: 1) the philosophers in question share common ontological premises; 2) the rhetorical shift from "revolution" to "revolutionary cycles" is justifiable since every international cycle of struggle responds to the same challenges of capitalism-fundamentalism and return to the same missed opportunities. Finally, the author proposes the theoretical and practical consequences of using of W. Benjamin's theory of revolution to the problem of the connection between the current and past revolutionary cycles.

Keywords: revolutionary cycle, law-making violence, law-preserving violence, mythic violence, divine violence, current reality, *jetztzeit*, messianic power, *Eingedenken*.

Постановка проблемы

В контексте современного технологического капитализма революционный интернационализм сохраняет свою роль двигателя процессов накопления. Он проявляется в международных циклах борьбы¹. М. Хардт, А. Негри в статье, вышедшей по случаю 20-летия

¹ Это понятие призвано зафиксировать глобальную связь между географически разнесенными протестными движениями, помещенными в определенные локальные и национальные контексты.

публикации книги «Империя», указывают на новый цикл, начавшийся с революции в Тунисе и Египте, пятый цикл², переместившийся от стран Северной Африки и Ближнего Востока к Испании, Греции и Соединенным Штатам, а затем затронувший Турцию, Бразилию и Гонконг. Приметами этого цикла стали палаточные города на городских площадях и транслируемые на разных языках требования демократии. Параллельно расширяется борьба против патриархата: аргентинское движение “Ni unapenas” («Ни одной <женщиной> меньше») распространяется на другие страны Северо-Американского и Южно-Американского континентов, находит отклик в польском движении за женские репродуктивные права, запускает цепную реакцию в Италии и Испании. Картину дополняет мигрантский интернационализм, проявляющийся в борьбе против пограничных режимов национальных государств. Гуманитарный кризис в Европе, повторяющееся нарушение миграционного законодательства США семьями из Центральной Америки – это вершина глобальных миграционных процессов, не сводящихся к перемещению из стран Глобального Юга в страны Глобального Севера.

Примечательно, что международные циклы борьбы рассматриваются независимо друг от друга. При таком рассмотрении упускается возможность влияния революций одного цикла на революции другого, возможность существования того, что можно было бы назвать «революционной традицией».

² Первые четыре цикла рассматриваются в первых двух книгах трилогии А. Негри и М. Хардта: «Империя» и «Множество» [Хардт, Негри 2004; 2006]. Первый цикл пришелся на период после 1848 г., период политической агитации Первого Интернационала, создания социалистических политических и профсоюзных организаций, и достиг своего пика после Русской революции 1905 г. и первого цикла антиимпериалистических выступлений. Второй цикл запустила Октябрьская революция, за которой последовали выступления по всему миру. Он был прерван фашизмом и поглощен политикой «Нового курса» и антифашистскими фронтами. Третий цикл начался вместе с Китайской революцией, был продолжен африканскими и латиноамериканскими освободительными движениями и вылился в революционные взрывы 1960-х гг. Четвертый цикл начался с протестов против саммита ВТО в Сиэтле в 1999 г., за которыми последовали бесчисленные выступления против МВФ, Всемирного банка, Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) в странах Глобального Юга. Цикл продолжался благодаря встречам Всемирного социального форума и достиг кульминации в протестах против готовившейся США войны в Ираке, которые состоялись 15 февраля 2003 г.

Значительный объем литературы по революционным традициям составляют источники, посвященные специфике той или иной национальной революционной традиции. Среди прочих мы можем назвать исследования Ф. Ридли, Х. Арендт, К. Пьетт по английской, французской, американской традиции [Ridley 1947; Арендт 2011; Piette 1985]. Такие исследования связывают революционную преемственность с национальной или государственной преемственностью.

Особое место среди литературы занимают работы, в которых предпринимается попытка создания больших нарративов. Так, существует ряд источников, посвященных единой европейской революционной традиции: «Революции и революционная традиция на Западе, 1560–1991» Д. Паркера [Revolutions... 2000], «Культурные революции: повседневная жизнь и политика в Великобритании, Северной Америке и Франции» А. Аусландер [Auslander 2009], «Застывшие в настоящем: современное время и меланхолия» П. Фрицше [Fritzsche 2004] и др. В данном случае революционная преемственность рассматривается в контексте европейской исторической тотальности.

И в первом, и во втором наборе источников революционная традиция скорее постулируется, чем рассматривается как практическая проблема революционеров. Попытка представить революционную перспективу стоит за работами, подобными «Коммунистической гипотезе» А. Бадью [Badiou 2010]. В них рассматриваются попытки антигосударственной борьбы, принимающей в качестве своей основной отправной точки аксиоматическое равенство всех людей. Эти тексты разделяют один недостаток с работами М. Хардта, А. Негри: независимое рассмотрение видов борьбы. Цель нашей статьи – совместить революционную перспективу с представлением о традиции.

Материалы и методы

В статье автор пытается совместить неортодоксально-марксистские подходы М. Хардта, А. Негри и В. Беньямина. Методологические предпосылки исследования таковы:

- революционные действия рассматриваются за пределами правового насилия;
- модернистская рамка мышления становится проблемой;

– поиск языка описания связи между разнесенными во времени революционерами ведется на путях «теологических» изысканий: спасение прошлого.

Подобное исследование имеет как теоретическую, так и политическую значимость. Первая заключается в прояснении аспекта революционного наследования. Мы попытаемся выявить характер связи между актуальным и предшествующими циклами международной борьбы. Политическая значимость заключается в артикуляции проблем, появляющихся при допущении революционной традиции.

Результаты и обсуждение

Современная революция: трактовка в рамках истории понятий

Исследование возможности влияния революций разных международных циклов заставляет нас обратиться к укорененной трактовке понятия «современная революция». Автор ставит вопрос: можно ли, и если да, то в полном ли объеме, принимая такую трактовку, осмыслить аспект революционного наследования? В данном случае интерес представляют авторы «Словаря основных исторических понятий» [Словарь... 2014].

Р. Козеллек, О. Брюнер и В. Конце закрепили смысл термина «современная революция». К ним продолжают обращаться социальные и политические теоретики³. Согласно вышеупомянутым историкам, в 1750–1850 гг. в Европе наблюдается радикальная трансформация системы социально-политических категорий [Там же: 7]. Авторы определяют этот период как «время водораздела» (*Sattelzeit*), находят здесь границу современности.

Согласно Козеллеку, в эпоху модерна семантическая структура таких понятий, как «свобода», «демократия», «история», «революция», резко поменялась. Речь в данном случае не идет о нейтральном категориальном аппарате. Эти понятия не были простыми фиксаторами изменений, они выступали проводниками социальных и политических перемен.

³ В данном случае показателен проводимый Колумбийским центром современной критической мысли семинар, посвященный современным формам восстания, за которым проглядывает революционная проблематика.

Стоит отметить, что тезис о разрыве современного и досовременного миров имеет скорее философский, чем исторический характер. Понятие «революция» лучше всего выражает историческую сущность модерна, «переверчивающего» структуру категорий, имеющих отношение к человеческой практике. Это объясняется новым переживанием исторического времени, меняющим «область опыта» (*Erfahrungsbereich*) и «горизонт ожиданий» (*Erwartungshorizont*) людей [Словарь... 2014: 11]. Временная ориентация понятий на будущее подрывает представление об истории как хранилище примеров и образцов, представление об истории как *magistravitae*.

Согласно Р. Козеллеку, в дискурсе французского Просвещения термин «революция» претерпел значительные изменения. В течение почти двух тысяч лет термин отсылал к циклу (*Anakyklosis*), циклу сменяющихся политических форм, аналогичному циклу природы и космоса. В данном контексте можно вспомнить теорию политических режимов Аристотеля и Полибия. Немецкий историк утверждает, что с 1789 г. революция превращается в «метаисторическую» категорию. «Революция» становится «собирательным словом единственного числа», охватывающим собой – в качестве общего – частные революции. Это направление трансформации смыслов Р. Козеллек определяет как «идеологизируемость» [Там же]. На эту тенденцию накладывается переход от политической к социальной характеристике революции: она связана с «социальным освобождением всех людей, с преобразованием социальной структуры» [Koselleck 2004: 52]⁴.

Представленная трактовка понятия «революция», подчеркивающая ориентацию на будущее, препятствует осмыслению важного момента революции: революционного наследования. Она создает иллюзию неразрывной связи революции и прогресса, затушевывая отношение с прошлым. Но возможен и альтернативный подход. Значимую роль в нашей попытке представить этот подход будут играть работы В. Беньямина: «К критике насилия», «О понятии истории».

⁴ Р. Козеллек проводит границу между нововременным словоупотреблением и средневековым использованием таких терминов, как восстание, низвержение, мятеж, бунт и гражданская война [Koselleck 2004: 47]. Последние были связаны с другой формой борьбы, которая была отмечена религиозными противостояниями и фанатичной конфессиональной борьбой.

Теория революции В. Беньямина

Наследуя революционной проблематике Ж. Сореля, В. Беньямин пишет работу «К критике насилия», призванную показать отношение насилия к праву и справедливости. Выбранный фокус обусловлен намерением проблематизации инструменталистской рамки для осмысления насилия: рассмотрение насилия исключительно с точки зрения его возможного оправдания или отсутствия такового. Вынося за рамки исследования область справедливых целей, Беньямин обращается к вопросу о «правомерности некоторых средств, которые составляют насилие» [Беньямин 2012: 67]. Отправной точкой исследования становится позитивно-юридическое различие между исторически признанным, санкционированным и несанкционированным насилием. Задача критика насилия – идентификация правового насилия и демонстрация картины, в которой государства и законная власть оправдывают свое собственное насилие как легитимное принуждение и выдают любые формы контрнасилия за неприемлемое насилие.

В. Беньямин в своей работе предлагает четыре формы насилия: он проводит границу между «правоустанавливающим» (*rechtsetzend*) и «правоподдерживающим» (*rechtserhaltend*) насилием, а затем вводит пару «мифическое насилие» (*mythische Gewalt*) – «божественное насилие» (*göttliche Gewalt*). Правоустанавливающее насилие – установление или модификация правовых отношений. Забастовка и война указывают на это насилие. В первом случае оно удостоверяется через страх носителей государственной власти перед использованием права на забастовку, во втором – через необходимость санкционирования военной победы, то есть заключение мира. Правоподдерживающее насилие представляет собой институционализированные усилия по принуждению населения к исполнению существующего права. Оно вершится судами и полицией, и его применение очевидно в случае с воинской повинностью.

Обращение к паре «мифическое насилие» – «божественное насилие» маркирует переход от насилия как средства к насилию как чистой манифестации [Тимофеева 2022: 113]. Возникает вопрос: что манифестирует мифическое насилие? Ответ В. Беньямина: право, власть, которая сама по себе является насилием. Мифическое насилие – это переплетение правоустанавливающей и правоподдерживающей форм насилия. Термин «миф» в тексте немец-

кого философа лишается того положительного смысла, которым он был нагружен в сорелевской теории стачки.

Мифическому насилию противопоставляется чистое, «божественное» насилие, манифестирующее справедливость. Если мифическое насилие правоустанавливающее, вызывающее вину и грех, угрожающее, кровавое, то божественное – правоуничтожающее, искупляющее, разящее, смертельное без пролития крови [Беньямин 2012: 90]. В качестве примера Беньямин берет легенду о суде над сыновьями Кореевыми, группе левитов, уничтоженных Богом. Для демонстрации их неправоты в споре с Моисеем Бог заставил разверзнуться землю и поглотить сыновей Корея. Суд поражает их «внезапно, без угроз, он поражает их метко и не останавливается перед уничтожением» [Там же: 91]. Таким образом, божественное насилие выступает чистым насилием, насилием без оправдания.

Беньямин называет божественное насилие властвующим (*waltende*), оно ничего не учреждает вместо уничтоженного права. С. Жижек, раскрывая эту мысль, указывает на его онтологическую безосновность. Оно божественное, так как заняло позицию отсутствующего Бога [Жижек 2010: 154]. В протестном контексте божественное насилие выступает в качестве ничем не обоснованной, последней возможности забастовщиков, которым заламывают руки представители власти. Примечательно здесь рассуждение Беньямина о заповеди «Не убий!». Он пишет: «Заповедь выступает не как мера приговора, а как руководство к действию, предназначенное для отдельно действующего человека или сообщества, которые должны наедине с собой осмыслить ее, а в чрезвычайных случаях даже взять ответственность на себя, отвернувшись от нее» [Беньямин 2012: 92].

Если мы рассматриваем революционное насилие как божественное, как выступающее «знаком и печатью, но никогда средством священной кары», то возникает вопрос о внутренних ограничениях в плане проявления насилия. Онтологическая безосновность не позволяет говорить о внешних ограничениях. Мы полагаем, что ответ на данную проблему присутствует в тексте «О понятии истории», в котором проясняется мотивация как революционеров, так и исторических материалистов: спасение прошлого.

Таким образом, критика насилия продемонстрировала правоустанавливающую и правоподдерживающую формы насилия. Переводя обсуждение в область политической теологии, В. Беньямин вводит новое различие: мифическое и божественное насилие.

Первое манифестирует право, второе – справедливость. Божественное насилие – это чистое насилие. Оно ставит политическую проблему отношения субъекта к насилию и связанную с первой проблему продолжения и углубления революции. Эта проблема выводит нас к тексту «О понятии истории», где четко формулируется идея революционного наследования.

В последней работе В. Беньямина тема насилия получила развитие: от революционного насилия к гипотетическому символическому насилию по отношению к самим революционерам. Один из исходов революции – это поражение, ситуация, когда следы неудавшихся попыток освобождения будут стерты и победивший враг «не пожалеет и мертвых» [Беньямин 2012: 240]. На такую перспективу намекает фигура антихриста: «Мессия ведь приходит не только как избавитель; он приходит как победитель антихриста» [Там же: 240]. Антихрист – символ катастрофы, которую несет с собой время исторического прогресса. Согласно Беньямину, цель революции – «дернуть стоп-кран в поезде Исторического Прогресса» [Жижек 2011]. Понимание этой формулы зависит от трактовки исторического материализма немецкого философа.

В первом тезисе «О понятии истории» В. Беньямин с помощью аллегории обращает внимание на зависимость исторического материализма от теологии. Отношение между ними аналогично отношению между всегда побеждающей в шахматной партии со случайным противником куклой и карликом-гроссмейстером под столом, направляющим руку куклы при помощи шнура. Эта аналогия лишний раз подтверждает характеристику Беньямина как «самого странного марксиста», которого «привлекала не религия, а теология и теологический тип истолкования» [Арендт 2003: 178, 187].

В. Беньямин связывает последнюю с опытом особого рода. Тут представляет интерес процитированный С. Жижеком фрагмент посмертно опубликованного беньяминовского текста: «Eingedenken – это такой опыт, который не позволяет понимать историю как нечто совершенно атеологическое» [Жижек 1999: 141]. Точный перевод термина затруднен. Передача смысла возможна с помощью слова «поминовение». С помощью термина *Eingedenken* В. Беньямин пытается зафиксировать связь между настоящим и прошлым *su-
i-
generis*.

Исторический материалист, устанавливающий эту особую связь, не прибегает к герменевтике. Для него важно «вырвать определенную эпоху из гомогенного движения истории; точно так же

он вырывает определенную биографию из эпохи, определенное произведение из творческого пути» [248]. В вопросе установления связи В. Беньямин делает ставку на деконтекстуализацию. Согласно немецкому философу, эта операция – «последняя надежда сохранить от этого времени хотя бы что-то, сохранить единственным способом: вырвав силой» [Арендт 2003: 220].

Подход исторического материалиста не предполагает отката к наивному восприятию прошлого. *Eingedenken* – это маркированный опыт, опыт представителей угнетаемого класса, имеющих определенные исторически оформившиеся интересы: «Субъект исторического познания – сам борющийся, угнетенный класс» [Беньямин 2012: 245]. При первом приближении этот подход может показаться вариацией на тему символической борьбы за гегемонию: два класса борются за право «по-своему писать историю».

В такой трактовке упускается обусловленная положением разница в восприятии времени угнетателями и угнетенными. Первые разделяют с представителями классической историографии (Леопольд фон Ранке, Генрих фон Трейчке, Фридрих Мейнеке) представление о пустом, гомогенном времени всеобщей истории. Вторые вместе с историческими материалистами, придерживающимися методологии материалистической историографии, ретранслируют образ наполненного «актуальным настоящим» (*Jetztzeit*) времени.

Историзм принимает на веру тезис о постоянном доступе к исторической истине [Там же: 239]. В основе его лежит предположение о возможности познания прошлого, «как оно было на самом деле» [Там же: 240]. Историзм изображает прошлое как что-то вечное [Там же: 247]. Цель представителей классической историографии – поиск «массы фактов, чтобы заполнить пустое и гомогенное время» [Там же: 248]. История для них представляется непреложным движением прогресса, ведущего к господству правящих сегодня. За рамками рассмотрения оказывается все «ошибочное», исключение которого и помогло создать последовательный исторический нарратив.

Исторический материалист подрывает прогрессистский метанарратив, подчеркивая, что «культурные ценности... обязаны своим существованием не только труду великих гениев, их создавших, но и безымянному тяглу их современников. Они никогда не бывают документами культуры, не будучи одновременно документами варварства» [Там же: 248]. Картина триумфального марша победи-

телей он противопоставляет серию попыток угнетаемого класса присвоить прошлое, беременное будущим: «Прошлое несет в себе потайной указатель, отсылающий ее [историю] к избавлению» [Беньямин 2012: 238].

Поминовение прошлого для угнетаемого класса – прерывание течения исторического развития с целью распознавания не реализованных в прошлом возможностей. Это некая связь с прошлым, которая позволяет нам ответить на призыв [Там же]. Для передачи этого притязания прошлого на слабую мессианскую силу В. Беньямин использует термин *anspruch*. С точки зрения немецкого философа, каждый момент настоящего становится «днем страшного суда» [Там же]. Он несет скрытые возможности, поэтому является благоприятствующим моментом, или кайросом. Такое смещение временных перспектив – коперниканский жест Беньямина – ставит под вопрос заверченный характер прошлого.

Немецкий философ описывает взаимное движение вырванного из прогрессистского нарратива образа прошлого и откликающегося в историко-материалистическом взгляде настоящего. Монада – это момент их успешной встречи, дающий надежду в «борьбе за угнетенное прошлое» [Там же: 248]. Революция в таком случае понимается как повторение неудавшихся попыток освобождения, как их «спасение», доведение их до логического конца. Речь идет о наполнении времени «актуальным настоящим», этот момент революционного шанса определяет всю цепь революций, последним звеном которой является свершающаяся сейчас революция.

Наполнение принимает форму цитирования. В. Беньямин пишет: «Так, для Робеспьера Древний Рим был прошлым, заряженным актуальным настоящим, прошлым, которое он вырывал из исторического континуума. Французская революция понимала себя как возвращение Рима. Она цитировала Древний Рим так же, как мода цитирует одеяния прошлого» [Там же: 246]. Революционеры, подобно фланерам и коллекционерам, реализуют принцип монтажа в истории, нацеленного на создание «больших конструкций из мельчайших и аккуратнейшим образом вырезанных деталей», на постижение «строения истории как таковой... в структуре... обломков» [Айленд, Дженнингс 2018: 304–305].

Цитирование, всегда связанное с революционным настоящим, – повторение, остановка исторического движения. В монаде революционеры подходят к порогу «мессианского» времени, в котором

историческое движение заключено в скобки. В мессианском опыте нынешний момент поминовения служит «калиткой» искупления [Айленд, Дженнингс 2018: 683]. Итог этого опыта – осознание вечной мимолетности исторических событий.

Следовательно, монада есть точка приостановки линейного времени. Это точка перехода к действию через отрицание процесса постоянного разрушения: «Так жить нельзя!» В ней подавленное прошлое повторяется. Приостановка истории возможна только как синхронизация настоящего и прошлого, как временная петля, в которой по мере движения вперед мы возвращаемся туда, где всегда уже были: упущенные возможности прошлого выделяются и получают свою реализацию в настоящем.

Подход к революции В. Бенямина представляется продуктивным с точки зрения проблемы революционного наследования, проблемы связи более поздних с более ранними международными циклами борьбы. Немецкий философ не только полагает, что такая связь между революциями есть, но и дает ответ на вопрос о сущности связи: поминовение. Отметим, что Беньямин пишет о революциях, пусть и состыкованных с прошлыми революциями, но не о международных циклах борьбы. В текстах немецкого философа, в отличие от текстов М. Хардта и А. Негри, не рассматривается связь между локальными битвами внутри революционного цикла: «вирусное» распространение направленных против общего врага «методов ведения боя, образов жизни и стремлений к лучшей доле по всему земному шару» [Хардт, Негри 2006: 265].

Применение подхода В. Бенямина к революционным циклам, однако, представляется возможным. С точки зрения онтологии немецкий философ и авторы «Империи» пытаются выйти за рамки гегелевской диалектики. Они отвергают философию истории К. Маркса. Беньямин, Хардт, Негри разделяют сомнения в отношении достижения окончательной формы общественного устройства. Они отрицают необходимость захвата революционерами политической власти.

Помимо совместимости онтологических предпосылок, важным моментом в аргументации в пользу применимости подхода В. Бенямина является обоснование перехода от понятия «революция» к понятию «международный цикл борьбы». Согласно В. Бенямину, революция – это повторение прошлых упущенных возможностей эмансипации. Как пишет Э. Сантер, упущенные возможности – исторические призраки, «не столько забытые деяния, сколько за-

бытая неспособность действовать, неспособность приостановить силу социальной связи, препятствующей действиям солидарности с “другими” общества» [цит. по: Жижек 2003: 109]. Памятниками таких упущенных возможностей выступают вспышки фундаменталистского насилия.

Это видение совместимо с тезисом М. Хардта и А. Негри о пролетарском интернационализме как двигателе процессов накопления. Реструктуризация технической композиции капитала, к которой мы добавляем вспышки насилия по всему земному шару, – глобальное следствие того, что было сделано, и того, что не было сделано в рамках международного цикла борьбы. Распространяющийся подобно вирусу новый международный цикл борьбы, цепочка локальных форм революционного сопротивления, будет отвечать на одни и те же вызовы капитализма-фундаментализма и возвращаться к одним и тем же упущенным возможностям. Поэтому оправданно применять беньяминовский подход к революционным циклам.

Теоретическими следствиями применения подхода В. Беньямина являются:

- отсутствие четкой временной локализации революционного цикла. Повторение революционного цикла происходит «вне времени» в смысле чистой синхронии. Связь между прошлыми и настоящим революционными циклами не существует как диахроническая стрела времени, но в форме короткого замыкания;

- целостность революционной традиции. В каждом революционном цикле разыгрывается судьба не только одного или двух ближайших революционных циклов, но и всей исторической последовательности циклов;

- десакрализация революционного дела. Актуальное настоящее ничем не отличается от прочих дней. Вневременные исторические события – вечно мимолетные события. Образ спасенной ночи В. Беньямина, ритм которого счастье, отличается от образа человека коммунистического строя.

Перспектива В. Беньямина высвечивает новые проблемы, которые встают перед политическими активистами, включенными в международный цикл борьбы:

1. Разработка стратегии вовлеченной невовлеченности в прошлое. Задача активистов – исследовать скрытые возможности эмансипации в прошлом, чтобы разыграть их в настоящем.

2. Выработка согласия по поводу понятийного аппарата, в котором *обретают свое место* именованная скрытых возможностей, служащих отправной точкой эмансипационной практики различных циклов.

3. Преодоление веры в чистую форму времени. Задача активистов – отход от прогрессизма и убеждения в гарантированном будущем. Десакрализация революционного дела обеспечивается делегитимацией будущего с бесконечным прогрессом.

Заключение

В статье анализируется расхожая трактовка современной революции в рамках истории понятий. Данная трактовка препятствует осмыслению аспекта революционного наследования и заставляет обратиться к теории В. Беньямина. Реконструкция теории осуществляется в два шага: осмысление действий революционеров за пределами правового насилия (правоустанавливающее/правоподдерживающее и мифическое) с помощью категории «божественного насилия», ставящее проблему внутренних ограничений проявления насилия; мотив спасения прошлого как средство решения проблемы первого этапа. Совмещение подходов В. Беньямина и М. Хардта, А. Негри представляется автору возможным по следующим причинам: 1) рассматриваемые философы разделяют общие онтологические предпосылки; 2) риторическое смещение от «революции» к «революционным циклам» оправданно, так как каждый международный цикл борьбы отвечает на одни и те же вызовы капитализма-фундаментализма и возвращается к одним и тем же упущенным возможностям. В конце статьи предлагаются теоретические и практические следствия применения теории революции В. Беньямина к проблеме связи актуального и прошлых революционных циклов.

Литература

Айленд Х., Дженнингс М. У. Вальтер Беньямин. Критическая жизнь. М. : Дело, 2018.

Арендт Х. Люди в темные времена. М. : Моск. школа полит. исследований, 2003.

Арендт Х. О революции. М. : Европа, 2011.

Беньямин В. Учение о подоби. Медиаэстетические произведения. М. : РГГУ, 2012.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. : Художественный журнал, 1999.

Жижек С. 13 опытов о Ленине. М. : Ад Маргинем, 2003.

Жижек С. О насилии. М. : Европа, 2010.

Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М. : Европа, 2011.

Словарь основных исторических понятий. Т. 1 / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М. : НЛО, 2014.

Тимофеева О. Апологии насилия в XX веке: человеческое и нечеловеческое // Логос. 2022. Т. 32. № 3. С. 107–128.

Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004.

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006.

Auslander L. Cultural Revolutions: Everyday Life and Politics in Britain, North America, and France. Berkeley : University of California Press, 2009.

Badiou A. The Communist Hypothesis. London : Verso, 2010.

Fritzsche P. Stranded in the Present: Modern Time and the Melancholy of History. London : Harvard University Press, 2004.

Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York : Columbia University Press, 2004.

Piette C. Reflexionshistoriques sur les traditions révolutionnaires... Paris au XIXème siècle // Historical Reflections / Réflexions historiques. 1985. Vol. 12. No. 3. Pp. 403–418.

Revolutions: The Revolutionary Tradition in the West, 1560–1991 / ed. by D. Parker. London; New York : Routledge, 2000.

Ridley F. A. Revolutionary Tradition in England. London : National Labour Press, 1947.